

**ГЕОРГИЙ КАЗАК — ЭКЗОТИЧЕСКОЕ
РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ
В БОЛГАРСКОМ XIX ВЕКЕ**

Кто такой Георгий Казак из болгарского XIX века?

Какова историческая ситуация в первое десятилетие XIX века, каковы «герои» драматических событий и как развиваются эти события?

Какова личная судьба Георгия Казака и каков его вклад в болгарскую культуру?

Ответы на эти три основных вопроса позволят понять сложный и поистине экзотический образ личности, создавшей самые значимые традиции в болгарской художественной культуре. Одновременно при создании образа Георгия Казака неизбежно вырисовывается и исторический период, положивший начало вере в благородную освободительную миссию России, создавшей представление о значимой для болгарского культурного развития культурно-исторической ситуации.

I

Георгий Михайлович Владыкин известен в эпоху Болгарского возрождения как Георгий Казак. Нет данных о годе его рождения, но он рассказывал ученикам и жителям города Свиштова, что родился в Саратове. Умер он в 1866 г. и был погребен в Килифаревском монастыре близ города Велико-Тырново. Он являлся известным возрожденческим литератором, всю жизнь работал учителем. Одновременно он был одним из первых известных, почитаемых мастеров резьбы по де-

реву в эпоху Болгарского возрождения. Любопытно, что его знали и как резчика по камню, делавшего из него интересные фигурки. Занимался он и починкой часов. Владение этими различными ремеслами обеспечило ему доверие сограждан и дружбу с ними.

Личная его судьба была странной и экзотической. Он был русским, воевал в войсках генерала Дибича Забалканского, который после русско-турецкой войны 1829 г. покинул болгарские земли и со своей армией вернулся в Россию. Но Георгий Казак не пересек вместе с русскими войсками Дунай, а остался в Свиштове. Факт того, что он остался в Болгарии, оброс легендами и любопытными комментариями. Но именно придунайский город Свиштов оказался связан с его дальнейшей судьбой. Некоторое время Георгий Казак также жил в Плевене, работая там учителем.

Если посмотреть на карту Османской империи, можно увидеть, что Свиштов является воротами в болгарские земли и торговым портом на Дунае. Одновременно он был городом, впитывающим в себя прогрессивные веяния из Европы. Свиштов был местом процветания искусства, в котором работали и создавали культурные общности такие люди, как Эмануил Васкидович и Христки Павлович. Там писались книги, которые затем издавались в Пеште, Будиме и в других европейских центрах. В этом дунайском городе формировались местные традиции, проявлявшиеся в быту, в одежде жителей, украшении домов старой венской мебелью и кофейными сервизами с надписью «Богемия», которые и сегодня придают уют ряду домов горожан. Эстетическое воздействие этого города просто невероятно. Но он был и городом возрождающейся новоболгарской культуры, городом строительства новых светских училищ. Наряду с Преображенским училищем Эмануила Васкидовича в Свиштове открывается Свято-Никольское училище. В этих двух училищах и преподает Георгий Владыкин–Казак. Он работал учителем в Свиштове более 25 лет. Долгое время он преподавал в Свято-Никольском училище, где работал учителем и Христки Павлович — один из

самых значимых болгарских возрожденческих литераторов XIX в.¹

Недолго, в 1857–1860 гг., Георгий Казак работал учителем в Плевене. Пребывание его в Плевене тоже представляется странным — он защищает коммерческие интересы настоятелей училища, которые практически платят ему зарплату и ценят его работу. Но разгорается борьба между пастырем-владыкой и настоятелями училища, в которой он защищает владыку. В результате настоятели обвинили его в пьянстве и уволили.

II

Какие русско-турецкие войны создали ощущение защищенности болгар со стороны русских? Вот та примерная схема, которая показывает, что еще в далёком XVII веке и затем вплоть до конца XIX века русские войска участвовали в активных военных действиях, которые реально позволяли болгарам надеяться на то, что именно русские будут их освободителями. Русско-турецкие войны:

XVII век

- Русско-турецкая война (1676–1681)
- Русско-турецкая война (1686–1700)

XVIII век

- Русско-турецкая война (1710–1713)
- Русско-турецкая война (1735–1739)
- Русско-турецкая война (1768–1774)
- Русско-турецкая война (1787–1792)

¹ О Свиштове и Георгии Казаке см. *Шшиманов Ив.* Студии из областта на Българското възраждане. В.И. Григорович, неговото пътуване в Европейска Турция (1844–1845) и неговите отношения към българите (За стогодишнината от рождението му) // Сб. БАН. София, 1916; *Ганчев С., протоирей.* Свищов (Принос за историята му). Издава се с материалната подкрепа на свищовското читалище «Еленка и Кирил Аврамови», Градската община и Популярната Банка. Свищов, 1929; *Тачева-Бумбаров Е.* Свищовският литературен кръг в историята на българската възрожденска литература. 2002; *Николова Ю.* Достойно ест. Свищов през XIX век до първото десетилетие на XX век. Личности — събития — факти. София, 2006, и др.

XIX век

- Русско-турецкая война (1806–1812)
- Русско-турецкая война (1828–1829)

Самая значимая война, дающая болгарам надежду на освобождение, — это война 1828–1829 гг., потому что изменялась историческая ситуация — остро встал восточный вопрос благодаря поддержке Россией национально-освободительного движения в Греции. Потому эта война называется еще Адрианопольским миром.

Война была объявлена в декабре 1827 г. турецким султаном, который отменил все предыдущие договоры и провозгласил священную войну против России. Война велась на двух фронтах — Балканском и Кавказском. Военные действия начались в апреле 1828 г., когда вторая русская армия, состоявшая из 95 000 человек, переправилась через Дунай, вошла в Добруджу и осадила Шумен, Варну и Силистру. Командовал русской армией генерал Иван Иванович Дибич-Забалканский. Известно, что болгары из Фракии активно участвовали в войне на стороне русских. Турецкие войска насчитывали около 125 000 человек. В конце сентября 1828 г. русские взяли Варну.

В начале 1829 г. началось второе наступление русской армии на Балканском полуострове. В июне была взята Силистра, а затем через Стару-Планину армия вошла в Фракию. Известен подвиг болгарского капитана Георгия Мамарчева — он возглавил болгарский добровольческий отряд, который достиг Сливена. История сохранила много интересных фактов. Болгары помнят подвиг, и самопожертвование, и невероятную мощь духа этого болгарского капитана. 20 августа 1829 г. русские части вошли в Адрианополь. Впервые город был взят русской армией, и это стало знаменательным событием для данной войны. Это вызвало панику в столице Османской империи и подтолкнуло султана к поискам возможности подписать перемирие с Россией.

В 1829 г. с приближением русских войск болгары в Странджанско-Сакарском крае и Сливенском крае восстали и сбросили турецкую власть в Восточной Фракии. И этот факт тоже знаменателен — хотя и на короткое время, но у болгар в этих

районах появилась вера в возможность свободы. Болгарские дружины участвовали вместе с русскими в штурме редутов при взятии Созополя. Русский гарнизон Созополя раздавал новые ружья, присланные из Одессы, восставшим болгарам. Война завершилась подписанием Адрианопольского мирного договора 14 сентября 1829 г., согласно которому:

— подтверждались русские права в устье Дуная и по черноморскому побережью Кавказа (без Батуми, Грузии и части Армении);

— Греция получала самостоятельность, но должна была платить дань султану (в 1830 г. она была освобождена от дани и объявлена независимой державой);

— договор подтверждал и расширял автономию Молдавии, Валахии и Сербии;

— предусмотрен был 18-месячный срок, во время которого христиане, подданные Османской империи, имели право продать свое имущество и беспрепятственно переселиться в Россию (пункт XIII).

В результате этого договора много фракийских болгар из юго-восточной Болгарии переселилось в Бессарабию. Но часть из них осталась в Добрудже.

После заключения Адрианопольского мира в 1829 г. капитан Г. Мамарчев попытался поднять восстание в Сливенской, Котленской и Тырновской областях. Он происходил из рода Георгия Раковского, родившегося в Котеле, — человека буйного темперамента, обладающего сильной волей, позволяющей добиться утверждения своих идей и решений, готового на самопожертвование. Однако русское командование ему противодействовало в этом стремлении к возможной свободе, подчеркивая, что момент для этого неподходящий. Георгий Мамарчев был арестован, дабы не вызвать осложнения международных отношений, что было не исключено в той критической исторической ситуации. По этому поводу Дибичу Забалканскому приписывают известные слова: «Бедные болгары, дело важное! Но живите мирно в вашем отечестве! Придет и ваше время. Сейчас речь идет о Валахии, Сербии и Богданско. Не бойтесь, скоро будет издан фирман об амнистии. Болгары! Сохраняйте мир, иначе я оберну свои орудия против вас!»

Только никто не верил в амнистию. И правильно делал. И, что вполне резонно, генерал, дабы спасти бунтующее болгарское население от гнева турок, но еще более для того, чтобы заселить приобретенные в Бессарабии земли, из которых бежали населявшие их прежде татары, решил заменить их хорошим народом-тружеником. Он привел туда вместе с возвращающимися русскими войсками тысячи болгарских семей из Фракии. Известный поход генерала Дибича Забалканского в болгарскую землю, в сущности, имел своим результатом для многих болгар переселение их в Бессарабию.

Таковы исторические факты. Что же было следствием этих 8 русско-турецких войн, которые велись на протяжении двух веков? С одной стороны, в их результате в болгарском сознании формируется устойчивое представление о русских-освободителях. Создается метафорический образ **«деда Ивана», который становится частью стереотипных представлений** болгарина о «матушке России». В данном случае имеется и буквальное совпадение с именем графа Ивана Ивановича Дибича, прозванного позднее Забалканским. Отмечу здесь, что по поводу происхождения метафорического образа «деда Ивана» имеются и другие версии, которые я не буду перечислять.

Деятельность Дибича способствует формированию с одной стороны реального, с другой — противоречивого образа. Этот смелый русский генерал, который выполнял важную миссию по освобождению южных земель полуострова. Одновременно он стремился сохранить хрупкий мир на Балканах. В то же время он взял на себя нелегкую задачу — переселить из всех болгарских земель с юга на север болгарские семьи с детьми, багажом. Они получили новое место жительства. На новом месте они начинают новую жизнь, сохраняя при этом болгарские традиции. Принимаются законы, создающие возможность сохранить болгарам свои этнические особенности, свою национальную общность. О создании условий для болгарских переселенцев на русских землях на раннем этапе содержится информация в сборнике «Векторы взаимопонимания (XVIII–XIX вв.)». Российско-болгарские научные дискус-

сии» (М., 2010), где в статьях Григория Венедиктова, Марины Смольяниновой и др. представлены интересные и малоизвестные факты и наблюдения.

В болгарской и зарубежной исторической науке описано немало подобных исторических ситуаций, которые имели место на Балканском полуострове. Автору данного исследования интересно проследить, как формировался этот образ-мечта — представление народных масс о деде Иване и еще важнее — какова была реакция на него болгарских интеллектуалов, литераторов и ярких личностей Болгарского культурного возрождения. Стереотипный образ ожидаемого болгарскими деда Ивана действительно сохраняется вплоть до Освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и получает множество интерпретаций в искусстве, скульптуре, музыке и т.д.

А как реагировали на него представители Болгарского национального Возрождения? Реакция последовала в какой-то степени с запозданием. Отдельные комментарии имели место и во время Крымской войны, но они были спорадичными. Важно, что исторический факт переселения болгар стал причиной появления в 1861 г. гневной брошюры Георгия Раковского «Переселение в Россию, или Русская убийственная политика в отношении болгар», в которой впервые целостно, со стремлением к исторической достоверности, раскрывалась связанная с переселением ситуация. Так, благодаря интерпретации бунта Мамарчева и решения о переселении болгар генерала Дибича, Георгий Раковский осуществил деконструкцию смысла событий исторического прошлого, которая являлась, в сущности, **переоценкой ценностей**: освободительная миссия трансформировалась в насильственный акт переселения, и такая интерпретация сохраняется в новейшей болгарской истории. Другая сторона вопроса, что тогда имела место и защита болгарского населения от насилия турецких властей. У болгар был шанс продать свое имущество и перебраться в земли, лучше подходящей для жизни, например, некоторые из переселенцев остались в Добрудже (есть немало мемуаров, которые свидетельствуют именно об

этом). Имело место и другое — болгары, принявшие участие в этом массовом переселении, сохраняли свое этническое происхождение, традиции, культуру, язык. Отдельно стоит вопрос о трагической участи покинувших родной дом, участи, о которой рассказывается во многих народных песнях и преданиях.

Явление **стереотипизации и последующей деконструкции** одного и того же исторического факта имело продолжение в 1885 г. Подготавливая соединение Южной Болгарии и Восточной Румелии, Захари Стоянов прочел брошюру Раковского, и вот что он пишет по этому поводу Димитру Ризову: «Случайно мне попала в руки брошюра Раковского, которую я Вам посылаю. Я даже не подозревал, что этот человек имел такие взгляды. Я хочу издать эту брошюру с предисловием, знаете ли, с каким предисловием, а? в десятке мест вспоминается Царь-пушка и Царь-колокол. Это может быть ответом на Цанковскую оккупацию»². В 1885 г. газета «Независимость», издаваемая Димитром Петковым и Димитром Ризовым, напечатала эту брошюру, и Захари Стоянов написал темпераментное предисловие. Это было время общения посредством брошюр, когда публицистическая брошюра стала главным публицистическим жанром. Это было время, когда Захари Стоянов разграничил свое отношение к официальной царской России и отношение к русскому народу и пострадавшей русской интеллигенции. Он неоднократно выражал подобные взгляды в различных брошюрах.

III

Третий блок проблем: он связан с личностью самого Георгия Владыкина-Казака. Как было упомянуто, после осады Свиштова он не переправился Дунай вместе с армией генерала Дибича, а остался работать учителем в городе. Прозвище «Казак» является **стереотипным**, говорящим о характерном типаже человека, его поведении, его деятельности.

² См.: *Дамянова Р.* Неизвестни писма на Захари Стоянов до Димитър Ризов // Захари Стоянов. Нови изследвания. София, 1981. С. 289.

А каковой была его деятельность?

Работая учителем в Свиштове, он участвует в составлении **двух букварей** — совместно с К. Теодоровичем (1847) и с Э. Васкидовичем (1857), переводит (тоже совместно с К. Теодоровичем) «Библейскую повесть» (1841). Георгий Владыкин-Казак включается и в другие славные дела в эпоху Болгарского национального возрождения: издания по «краснописанию» или «чистописанию». В XIX в. подобных книг в Болгарии выходит немало: учебники Неофита Рильского (1837), доктора П. Берона (1843), Хаджи Н. Йоанновича (1851), К. Мустакова (1861) и т.д. Совместно с Э. Васкидовичем он издал «Чистописание для болгарских юношей». При посещении в 1845 г. Свиштова русский ученый приобрел это издание и хранил его в своем личном архиве.

Имеющиеся в этом издании образцы чистописания дают представления о ранних болгарских учебных программах XIX в., способах преподавания данной учебной дисциплины и роли письменных упражнений в учебном процессе. Кроме того они использовались при изучении таких учебных предметов, как логика, география, священное писание, болгарская и всеобщая история, грамматика и др. Наряду с этим они дают представление о разносторонности личности самого Георгия Казака — яркого деятеля эпохи Болгарского национального возрождения.

Георгий Казак активно участвовал в формировании **болгарской художественной культуры первой половины XIX в.** В школах Свиштова и Плевена он учил детей искусству рисования, созданию свободных чертежей и изображению человеческих фигур³. При обучении своих 10-летних подопечных рисовать на религиозные сюжеты и раскрашивать созданные ими рисунки, он сталкивался с трудностями из-за запрета магометанской религии изображать людей. Но Георгий Казак решительно и смело обучал детей рисовать с натуры, изображать человеческое лицо и обнаженное тело, а также головы людей по античным образцам. Он — первый

³ См. *Маероудинов Н.* Връзките между българското и руското изкуство. Със 112 илюстрации в текста. София, 1955. С. 74–75.

учитель современной живописи в эпоху возрождения Болгарии. Именно он и именно в Свиштове, где его встретил Григорович, положил начало рисованию античных голов, человеческого тела и познакомил болгарское светское искусство с классической традицией и современными европейскими тенденциями. Его деятельность была смелой и новаторской для того времени. Нужно учитывать, что это речь идет о середине XIX в. В то же самое время болгарин — Станислав Доспевский, русский воспитанник, мечтает о создании «школы живописи и рисования»⁴, а Захарий Зограф уже создал и свою школу, и свои незабываемые фрески в болгарских монастырях.

При посещении Свиштова В. Григорович взял с собой и рисунок свиштовских учеников Георгия Владыкина-Казака. Благодаря проявленному русским учёным интересу к этому виду искусства до нас дошли некоторые первые болгарские карандашные рисунки. Среди них — образцы человеческой головы и тела, подписанные именем Алексея Георгиевича — сына Георгия Владыкина-Казака, Николая Павловича и его брата Димитра Павловича (сыновей учителя и видного деятеля Болгарского национального возрождения Христаки Павловича). Считается, что Георгий Казак также создал много художественных произведений, но эта часть его творчества не обнаружена, и сведения о ней отрывочные. Можно, однако, с уверенностью, утверждать, что он был **первым учителем рисования Николая Павловича** и сделал очень много для эстетического воспитания детей в Свиштовской школе⁵. А.Н. Мавродинов называет его «исключительно одаренным русским мастером».

Казак являлся и одним из самых лучших возрожденческих мастеров резьбы по дереву. Сохранились два иконостаса, сделанных им. Один находится в церкви св. Илии, построен-

⁴ См.: *Дамянова Р.* Писмата в културата на Българското възраждане. Шумен, 1995.

⁵ См.: *Львова Е., Конев И.* Болгарская школа и «свиштовский период» Николая Павловича // Советское славяноведение. М., 1971. № 4. С. 80–87.

ной в 1835 г. в Свиштове, и другой — появившийся годом позже в том же городе церкви Преображения. Второй иконостас отличается тонкой резьбой и богатством изобразительных мотивов: ветви райских деревьев, птицы, двуглавые орлы. В интересном авторитетном исследовании Н. Мавродинова отмечается, что в иконостасе часовни св. Андрея Преображенского монастыря, выполненном Витаном Коювым в 1839 г., чувствуется прямое влияние стиля Георгия Казака — там присутствуют двуглавые орлы с державой — российские государственные символы⁶.

Нестандартный, непредсказуемый, противоречивый, но талантливый и полностью посвятивший себя своему делу — **Георгий Казак** — русский человек из армии Дибича, учитель, защитивший и продолживший традицию болгарского правописания, он ввел обучение академическому рисунку, опираясь на античные образцы. Он выступил первым учителем яркой творческой личности в художественной традиции XIX в. — Николая Павловича, **создавшего впоследствии свою творческую школу**. Такую оценку нельзя считать преувеличением.

Одновременно Георгий Владыкин-Казак был представителем богемы, человеком свободного духа. Он покинул свою армию и своего генерала, чтобы остаться в неизвестной болгарской земле, начать новую жизнь и стать творцом и первопроходцем. Конечно, неординарности его личности были свойственны и крайности, но они лишней раз свидетельствуют о том, что она не уместается в обычное клише. Его образ очень противоречив. С одной стороны, это педагог с почти тридцатилетним стажем, автор учебников, переводов и актуальных справочников. Но с другой стороны, он часто прикладывался к бутылке, был уволен с работы за пьянство с запретом преподавания в школах. К счастью, к тому времени он уже успел создать два уникальных иконостаса в Свиштове, которые и сегодня производят на нас впечатление своим мастерством. Может быть, поэтому он обрел вечный покой в знаменитом среди болгар Килифаревском монастыре.

Перевод с болгарского *М.Г. Смольяниновой*

⁶ См. *Мавродинов Н.* Указ. соч.

РЕЗЮМЕ

**ГЕОРГИ КАЗАКА — ЕДНО ЕКЗОТИЧНО
РУСКО ПРИСЪСТВИЕ В БЪЛГАРСКИЯ XIX ВЕК**

Статията проследява личната съдба на Георги Владикин-Казака — войник от армията на генерал Дибич Забалкански, който не преминава Дунава, а остава в българския град Свищов. Там той работи като учител, за кратко време е учител в Плевен. Георги Казака е една нестандартна личност; той създава едни от първите български буквари, преподава рисуване на талантливия възрожденски художник Николай Павлович. Георги Казака става част от културната традиция на Свищов и на целия български XIX век, среща се с В. Григорович, оставя образци на уникални дърворезби и рисунки. Същевременно текстът проследява и сложната историческа ситуация около водените на Балкана два века руско-турски войни. Те създават метафоричния образ на желаниа и очакван освободител дядо Иван и същевременно пораждат сложна реакция на някои български интелектуалци и творци.